

Чугунов Д.А.

## К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ ГДР<sup>©</sup>

Воронежский государственный университет,  
Россия, Воронеж, dr-chugunov@yandex.ru

*Аннотация.* Ситуация в немецкой культуре в 1990-е годы вызвала к жизни не только произведения, посвященные сложным духовным обстоятельствам эпохи перемен, но и книги, обращенные в восточнонемецкое прошлое. Рядом с официальной историей обозначила себя «живая поэзия воспоминаний» (Ш. Волле). Антропологический подход к изучению литературного произведения имеет в этой связи несомненную практическую ценность для построения общей истории литературы Восточной Германии после 1945 г. Ретроспективное погружение в определенную эпоху, совершающее через совокупное познание образа человека того времени и сущностных характеристик его бытия, позволяет прийти к целостному видению происходящего. В статье рассматриваются произведения Э. Нойча и К. Вольф, ставшие знаковыми в немецкой литературе после 1945 г. и вписанные в контекст мифа о «новом» человеке, строящем новое общество на немецкой земле. Вместе с тем жизненная правдивость этого образа часто ставилась под сомнение (например, Э. Лёстом). Антропологический спор о «человеке» ГДР стал одной из частей культуры памяти в послеповоротную эпоху и отобразился в книгах молодых авторов, вошедших в литературу на рубеже XX–XXI вв.

*Ключевые слова:* художественная антропология; литература ГДР; литература Германии.

Получена: 20.05.2024

Принята к печати: 25.06.2024

**Chugunov D.A.**

**On the the construction of the artistic anthropology of the GDR<sup>©</sup>**

*Voronezh State University,  
Russia, Voronezh, dr-chugunov@yandex.ru*

*Abstract.* The situation in the German culture in the 1990s brought to life not only works devoted to the difficult spiritual circumstances of the era of change, but also books turned to the East German past. Next to the official history, was a “living poetry of memories” (St. Wolle). In this regard, the anthropological approach to the study of a literary work has undoubtedly practical value for building a general literary history of East Germany after 1945. Retrospective immersion in a certain epoch, performed through the combined knowledge of the image of a person of that time and the essential characteristics of his being, allows us to come to a holistic vision of what is happening. The article examines the works of E. Neutsch and Chr. Wolf, which became iconic in German literature after 1945 and are embedded in the context of the myth of a “new” man building a new society on German soil. At the same time, the vital truthfulness of this image was often questioned (for example, by E. Loest). The anthropological dispute about the “man” of the GDR became one of the parts of the culture of memory in the post-revolution era and was reflected in the books of young authors who entered literature at the turn of the XX–XXI centuries.

*Keywords:* artistic anthropology; literature of the GDR; literature of Germany.

Received: 20.05.2024

Accepted: 25.06.2024

Интерес к духовной природе человека, впервые проявленный в древности Аристотелем, привел, как известно, к возникновению термина «антропология», который позднее, уже в эпоху Просвещения, стал применяться по отношению к человеку в целом, ко всем сторонам его существования. В настоящее время антропологический аспект изучения литературного произведения является одним из наиболее востребованных в науке. Не углубляясь в историю теоретических дискуссий о понятии «литературной антропологии»<sup>1</sup>, остановимся на двух тезисах, которые применимы

---

© Chugunov D.A., 2024

<sup>1</sup> Желающие могут обратиться к монографии В.В. Савельевой [Савельева], материалам научной конференции «Поспеловские чтения» 2009 г. [Художественная антропология], сборнику «Антропология литературы», выпущенному в Гродно [Антропология литературы], статье немецкого исследователя В. Изера [Изер] и др. источникам.

в дальнейших размышлениях. Т.Е. Автухович справедливо разделяет «литературную антропологию» и «антропологию литературы», отмечая описательный характер первой и «глубоко эпистемологический» второй [Антропология литературы, с. 9]. Действительно, изучение образа человека в том или ином произведении отличается от познания человеческой сущности как таковой. В то же время следует отметить практическую ценность термина «художественная антропология», используемого В.В. Савельевой: так фиксируется соединение текста и мира, человек выступает здесь как бытийная сущность в художественной реальности [Савельева, с. 117]. Художественная антропология предстает симбиозом литературоведения и философии, восходя к ранним формам духовной культуры человечества. При этом художественная антропология, на наш взгляд, возникает позже литературной, даже когда речь идет о собственно литературе. Для формирования художественной антропологии необходим временной промежуток между событием и его последующим осмысливанием, когда ослабевает идеологическая составляющая текущего момента. Литература настоящего естественным образом тяготеет к рождению запоминающихся образов, мировидение ведущих социальных групп подчас прямо подталкивает писателя к художественному воплощению тех или иных типических персонажей. Однако по прошествии некоторого времени многие из таких типов объявляются недостоверными или же переосмысливаются, или же их смысловое наполнение дополняется новыми значениями (показателен в этом отношении тип русского нигилиста, увиденный И.С. Тургеневым, а затем переосмысленный Н.С. Лесковым и другими авторами).

Рассмотрение тех или иных литературных произведений с позиции именно художественной антропологии представляется нам важным и значимым при обращении к особенно сложным, переходным периодам человеческой истории. В подобные моменты ярко проявляет себя нерасчлененность художественного и философского мышления, а художественные образы втягивают в свою орбиту мировоззренческие основы человеческого существования. В силу этого ретроспективное погружение в определенную эпоху, совершающее через совокупное познание образа человека того времени и сущностных характеристик его бытия, позволяет прийти к универсальному, целостному видению происходящего [см.:

Москвина, Мокроносов, с. 71] – особенно ценному при построении литературной истории.

Ситуация «поворота» (*Wende*), сложившаяся в немецкой культуре в 1990-е годы, вызвала к жизни не только произведения, посвященные сложным духовным обстоятельствам собственно эпохи перемен (так называемая «литература “поворота”», или *Wende-Literatur*), но и книги, обращенные в недавнее восточногерманское прошлое. «Бывший восток превратился в настоящее Эльдорадо для рассказчиков, – замечает в статье «Правда прачек» Ш. Волле. – По ту сторону официальной истории обозначилась живая поэзия воспоминаний, которая часто неправильно воспринималась как ностальгия. Она стремилась зафиксировать то, что наличествовало здесь: образы, запахи, жесты, чувства, слова. Абстрактным категориям, наподобие неправового государства или тоталитарной диктатуры, она предпочла что-то конкретное» [Wolle].

В процессе погружения в эту антропологическую конкретику жизни в 1990-е годы постепенно вырисовывались типические фигуры, которые ранее вряд ли могли появиться в художественных произведениях. Они вставали рядом с уже хорошо известными образами, давно вошедшими в официальную историю литературы. Главным фактором, способствовавшим этому, стало частое обращение писателей к жанру автобиографического повествования, обретшему небывалую популярность. Укажем, например, на следующие книги: «Промежуточный итог» Г. де Брайна (*Zwischenbilanz*, 1992); «Горе тому, кто пойдет не в ногу» Л. Харига (*Weh dem, der aus der Reihe tanzt*, 1993); «Я» В. Хильбига (*Ich*, 1993); «Европа в руинах» Х.-М. Энценсбергера (*Europa in Ruinen: Augenzeugenberichte aus den Jahren 1944–1948*, 1995); «Взрослые игры» Г. Кунерта (*Erwachsenenspiele*, 1997); «Письма Павла» М. Марон (*Pawels Briefe*, 1999) и т.п.

Подобная художественная репрезентация личного опыта с полным правом может быть названа новым этапом истории памяти. По справедливому замечанию немецкого философа Х. Вельцера, «память вообще связана не столько с прошлым, сколько с настоящим. Как и все прочие системы памяти, автобиографическая память представляет собой функциональную систему, задача которой – помогать человеку справляться с жизнью в настоящем» [Вельцер]. Ментальный, духовный, социальный, политический кризис, переживаемый гражданами бывшей ГДР в конце XX в.,

повлиял не только на усиление их ностальгических представлений о прошлом, но и на стремление переосмыслить бывшее, избавляясь от однобоких суждений о нем (как положительных, так и отрицательных) в пользу целостного представления о минувшем.

Показательно в этом отношении предисловие Р. Коха к известной антологии «Дикий Восток» (*Der wilde Osten*), увидевшей свет в 2002 г. Будучи лектором в Литературном институте Лейпцига в 1998 г., он задал студентам своего творческого семинара ряд вопросов об их восточнонемецком прошлом. «Как жили молодые авторы... в ГДР? Были ли 70-е и 80-е годы на Востоке дикими, унылыми, серыми, удручающими, монотонными, эротичными? Какую роль играли политические или авторитарные структуры в семьях?» [*Der wilde Osten*, S. 7]. Несмотря на то, что чаще всего реакция его слушателей на поставленные вопросы была недоверчивой, многие живо отреагировали на предложенную тему. Р. Кох упоминает важные подробности полученной обратной связи: слушатели семинара откликнулись «другими текстами», нежели он ожидал, «историями, описывающими повседневные переживания, в которых запечатлен большой конкретный опыт. Загадочными историями, в которых ГДР *не сразу узнаваема*» (курсив мой. – Д.Ч.) [*Der wilde Osten*, S. 8].

Ремарка составителя антологии показательна. Выражение «не сразу узнаваема» указывает на определенный диссонанс в сознании литературоведа. Антропологический опыт бытия, фиксируемый в словесности 1990-х годов, либо входил в противоречие с тем, что было художественно зафиксировано ранее, либо действительно являл нечто новое, неожиданное для наблюдателя прошлого. Поясним сказанное на примерах.

Так, среди произведений литературы ГДР достойное место занимают книги Эрика Нойча (Erik Neutsch, 1931–2013). Его первый роман «След камней» (*Spur der Steine*, 1964), по справедливому замечанию А.А. Гугнина, «стал одной из самых популярных и даже “хрестоматийных” книг в литературе ГДР – наряду с “Расколотым небом” Кристи Вольф, “Актовым залом” Германа Канта, “Оле Бинкопом” и “Чудодеем” Эрвина Штритматтера» [Гугнин, 1989, с. 5]. «След камней» уместно рассматривать в контексте созидающегося мифа о «новом» человеке, строящем новое общество на немецкой земле. Формирование новой системы ценностей, внутренняя

Эволюция личности стоят в центре сюжета. При этом важно, что хорошая художественная литература тех лет, несмотря на то, что имела ярко выраженную политическую составляющую (противопоставление социализма – коммунизму, грядущего мира – прежнему, одних идеалов общественной жизни – другим), вовсе не обслуживала политический заказ как таковой. Свидетельством этого является, например, фраза из размышлений К. Вольф: «Политика с самого начала не являлась для нас занятием, которым можно было бы заниматься самому, а можно было и оставить на усмотрение других. В ту пору, когда формируется мировоззрение человека, наши псевдоидеалы оказались полностью разрушенными и смесячными прочь вместе с нацистским рейхом и его идолами. Так что политика, мировоззрение, философия – все это было для нас вопросами жизни» [Цит. по: Liersch, 1976].

Образы веселого и дерзкого бригадира Ханнеса Баллы, инженера Вернера Хоррата, молодого специалиста Катрин Клее, безусловно, типичны. Они представляют тех самых граждан ГДР, которые оказывались в плавильном котле новых строек, развернувшихся по всей стране. Перемены в сознании персонажей Э. Нойча (а это касается и отрицательных, и положительных, и нейтральных героев) в равной степени иллюстрируют проблемы личностного становления и становления нового государства. В этом смысле типичный герой Э. Нойча внутренне схож с героем К. Вольф: он в любом случае не равнодушен к происходящему вокруг него. Ни К. Вольф, ни Э. Нойч не стремились идеализировать «нового» человека. Парторг Хоррат в «Следе камней» и журналист Гатт в романе «В поисках Гатта» (*Auf der Suche nach Gatt*, 1973) Э. Нойча, Рита Зайдель, главная героиня, и рабочий Рольф Метернагель в «Расколотом небе» К. Вольф – все они проходят путь проб и ошибок, сомнений и решений.

Показательно в этом отношении переплетение литературной антропологии и антропологии литературы. Еще в раннюю эпоху строительства нового общества И.Р. Бехер, будущий министр культуры ГДР, президент Академии искусств ГДР, прозаик и поэт, автор восточногерманского гимна, спрашивал себя в дневнике за 1950 г.: «Что это такое – приход человека к самому себе?» [Becher, 1969, S. 229]. И отвечал себе: это реализация всех возможностей человека, устранение всякого отчуждения и овеществления.

«Внешнее» задание на жизнь И.Р. Бехер трансформировал во внутреннюю потребность самореализации и изменений себя к лучшему. Верно понятая, его мысль превратилась чуть позднее в эпиграф к повести К. Вольф «Размышления о Кристе Т.». Она же прозвучала и в ее «Расколотом небе», и в романе Б. Райманд «Братья и сестры» (*Die Geschwister*, 1963) – везде персонажи должны были совершить сознательный выбор, определяющий их дальнейшую судьбу.

В то же время многие авторы задумывались и о теневых сторонах восточногерманской жизни, накладывавшей на личность неизгладимый отпечаток. Так, К. Вольф не случайно спрятала среди многих диалогов знаменитой повести «Расколотое небо» глубокий по своему наполнению вопрос, заданный устами одного из персонажей: *Regiere ich das alles oder werde ich regiert?* («Я всем этим управляю или мной управляют?») [Wolf, 1966, S. 67]. На первый взгляд может показаться, что речь здесь идет о простой альтернативе выбора, однако на самом деле писательница честно признает проблематичность личностной свободы в условиях строгой партийной дисциплины, насаждаемой руководящими партийными органами СЕПГ. А в повести «Размышления о Кристе Т.» она поставила под сомнение сам типичный образ «нового» человека, который декларировался как а priori существующий в ГДР. Показателен диалог рассказчицы и главной героини. Рассказчица очень удивлена заявлением своей знакомой, что та в первую очередь хотела бы стать не «учительницей, аспиранткой, кандидатом наук, редактором», а «человеком». Она спрашивает: «Кем ты хочешь стать, Кришан? Человеком? Ну, знаешь...» [Вольф, 2004, с. 47]. Ведь само собой подразумевалось, что «рай» будущего построят лучшие люди, «самые чистые, это не подлежало сомнению» [Вольф, 2004, с. 56].

Образ «лучшего» человека, декларируемый как норма в новую эпоху немецкой истории, ставился, таким образом, под сомнение даже такой сторонницей «республики рабочих и крестьян», как К. Вольф. Писательница понимала, что во многих случаях подобный образ не может являться типичным. Даже вглядываясь в себя, автобиографические рассказчицы признавали его художественную идеальность, далеко не всегда совпадающую с реалиями действительности. М. Крумбхольц оправданно назвал «Размышления о Кристе Т.» «смертельно печальной книгой», вовсе не тем, «чего

культурные бонзы ГДР ожидали от ее самого талантливого молодого автора» [Krumpholz, 2011]. Эта печаль, например, слышится и в диалоге двух персонажей – безымянной герони и ее знакомого – в повести «На своей шкуре» (*Leibhaftig*, 2002), действие которой происходит, по видимости, уже в поздние времена правления Э. Хонеккера:

«Помолчав, она сказала: Ты ведь понимаешь, что это значит, когда можно выбирать только ложными альтернативами.

Он понимал. И посоветовал ей наконец оставить надежду на невыполнимое, а тем самым и бесплодное сопротивление, которое, по всей видимости, основывалось на иллюзии, что она еще способна что-то изменить. Это ребячество.

– Новый Мефистофель, сказала она. – Искушение не бессмертием, а бездействием. По-твоему, стало быть, все пропало.

– Да, по крайней мере, в эту эпоху. Она не годилась для нашего эксперимента. *И мы тоже не годились, особенно мы*» (курсив мой. – Д. Ч.) [Вольф, 2003, с. 70].

Откровенно негативное отношение к образу «нового», «лучшего» человека мы легко обнаруживаем в книгах тех авторов, чьи отношения с властями ГДР были далеки от безоблачных. В этом смысле полной противоположностью друг другу оказываются произведения Э. Нойча и Э. Лёста.

Эрих Лёст (Erich Loest, 1926–2013), бывший автором популярных в ГДР детективных и исторических романов, в самом начале 1980-х годов из-за идеологических расхождений с властями эмигрировал в Западную Германию. Вернулся обратно писатель лишь после падения Берлинской стены. Трагический опыт жизни в ГДР, взаимоотношения личности и безжалостно подавляющей ее системы стали главными темами его творчества в 1990-е годы.

Э. Лёсту удалось в художественной форме запечатлеть переживания рядового гражданина ГДР, живущего в атмосфере ежедневной слежки за инакомыслящими. Так, например, его книга ««Штази» была моим Эккерманом, или Моя жизнь с “жучком”» (*Die Stasi war mein Eckermann oder: mein Leben mit der Wanze*, 1991), стоящая в одном ряду со свидетельствами К. Вольф («Промсмотр картотеки» / *Akteneinsicht*, 1993), Р. Кунце («Псевдоним “Лирик”» / *Deckname “Lyrik”*, 1990), В. Волленбергера («Вирус лицемеров» / *Virus der Heuchler*, 1995) и многими другими, показывает участие едва ли не каждого четвертого гражданина ГДР в слежке, доносительстве и т.п.

Э. Лёст дополняет галерею художественных образов граждан Восточной Германии запоминающейся фигурой, имеющей чрезвычайно мало отношения к героическому началу в жизни. Эта фигура отображена в заглавии его автобиографического повествования «Гнев овцы» (*Der Zorn des Schafes*, 1990).

Отождествление гражданина Восточной Германии с «овцой» базируется на давно известной метафоре. Как указывает Словарь библейских образов, овцы в древней Палестине «полностью зависели от пастуха, который защищал их, приводил на пастбище, поил, давал им приют и заботился о них. Овцы не только нуждаются в присмотре, но и удивительно бесстолковы – они могут бессмысленно блуждать, не находя пути к овчарне, даже если она находится в пределах видимости» [Словарь библейских образов, 2005, с. 707].

Именно такими были граждане ГДР, на взгляд Э. Лёста. Их «бессмысленное блуждание» категорически не позволяет вести речь о типе «новых людей» – активных строителей будущего. Метафора «гнев овцы» подытоживает переживания рядового гражданина Восточной Германии – запечатленные писателем еще в книгах «Жизнь идет своим чередом, или Хлопоты на нашей равнине» (*Es geht seinen Gang oder Mühen in unserer Ebene*, 1978), «Сквозь землю пролом» (*Durch die Erde ein Riß*, 1981) и «Ласточка, мой безумный Мустанг» (*Swallow, mein wackerer Mustang*, 1981). Однако даже «гнев», испытываемый гражданами бывшей ГДР, не делает ретроспективно их героями.

Таким образом, при попытке создания литературной антропологии ГДР исследователя подстерегает множество противоречий, связанных с существованием разных, подчас диаметрально противоположных взглядов на историю прошлого. Человеческий тип строителя светлого будущего (у Э. Нойча) и тип ведомого существа, не разбирающегося даже в бытовых вопросах (у Э. Лёста), взаимно отрицают друг друга. Об этом противоречии писала и К. Вольф в рассказе «Маленькая прогулка в Г.» (*Kleiner Ausflug nach H.*, 1974, опубл. в 1989). Населив вымышленный Город Героев персонажами, взятыми из произведений восточногерманских авторов 1950–1960-х годов, К. Вольф в форме иронической утопии продемонстрировала парадоксальное превращение «новых людей» и вообще «положительных» героев в нечто противоположное.

Антропологический спор о «человеке» ГДР естественным образом вошел в культуру памяти в послеповоротную эпоху. Так, И. Шульце, опубликовавший в 1998 г. роман *Simple Storys*, заметил: «Почему я об этом рассказываю? Потому что так быстро все забываешь» [Schulze, 2001, S. 23]. Его остроумные наблюдения над меняющейся психологией бывших сограждан, которые в 1990 г. учились непривычной для них самостоятельности, замечательно отображают спад общей восточногерманской истории, общего взгляда на мир, общей идеологии. Жизнеописания простых людей, созданные автором и по-бальзаковски претендующие на панорамное освещение переходного момента в жизни восточногерманской провинции, выступают вместе с тем и определенным комментарием к литературной антропологии прошлого. Так, Т. Бруссиг в остроумно-язвительном романе «Герои как мы» охарактеризовал старшее поколение, создававшее ГДР, как людей, устремленных в будущее, готовых жертвовать настоящим ради предстоящих свершений. «Будущее! Оно было реальным!» – восклицает его герой. Поэтому чувство гордости за себя в то поколение вселяли постройка плотины «Зоза» или осушение Фридлендеровских лугов [Brussig, 1998, S. 287]. Напротив, персонажи 1990-х годов больше думают не о социальных свершениях, а о деньгах. Патрик и Лидия в *Simple Storys* мечтают не о светлом будущем, а о том, что бы они сделали с наследством («примерно в миллион»), если бы оно свалилось им на головы. «Кроме мирового турне, нам ничего не приходит в голову», – растерянно признают они. «Мы оба не понимаем, как это «Лotto»-миллионеры могут быть несчастливы», – наивно замечает Патрик [Schulze, 2001, S. 63].

Подобная ориентация на быт, на житейский комфорт трактовалась ранее как однозначно отрицательное явление. Можно вспомнить тираду талантливого молодого ученого-химика Манфреда Герфурта из «Расколотого неба» К. Вольф, который после побега в Западный Берлин убеждает возлюбленную в том, что «человек не создан быть социалистом. Когда его к этому принуждают, он изворачивается, как уж, пока не доберется до сытной кормушки» [Вольф, 1964]. Отвергая такой взгляд на мир, К. Вольф противопоставляет ему главную героиню, Риту Зайдель, выбравшую трудную жизнь в ГДР, а не сытую – в Западном Берлине. В послесловии, обращенном к советскому читателю, писательница пояснила:

«Ей больше ничто не помешает в ее стремлении быть Человеком, стремлении, которое она не смогла бы осуществить в капиталистическом обществе; а ведь именно это противоречие трагической нитью прошло через судьбы героев всей классической буржуазной литературы» [Вольф, 1964].

Подобное условное разделение персонажей 1950–1960-х годов на вдохновенных строителей нового социалистического мира и на бездуховых обывателей, с завистью взирающих на западное общество, видится в настоящем не чем иным, как голой идеологической схемой. Произведения 1990-х годов много раз ее опровергли, да и сами авторы, воспевавшие «нового человека», не раз ставили под сомнение. Образ «нового человека», заявленный литературой социалистического реализма, прямо или косвенно развенчивался не только в последнее десятилетие XX в. Так, например, в романе Ю. Франк «На реках вавилонских» (*Am Lagerfeuer*, 2003) один из бывших граждан ГДР, бежавших на Запад, честно признает: героев из них не вышло. «Все мы предатели», – говорит он [Франк, 2004, с. 418]. Несколько позже о предательстве пойдет речь в романе «Дни убывающего света. Роман одной семьи» (*In Zeiten des abnehmenden Lichts. Roman einer Familie*, 2011) О. Руге, где появится фигура старого коммуниста Вильгельма. Высокий трагизм этого образа связан с продолжающимся исповеданием героями прежних идеалов, потерявших к 1989 г. свой смысл. Его вера в партию и народное государство доведена автором до гротеска: даже на своем юбилее Вильгельм ради обретения душевного спокойствия напевает партийный гимн СЕПГ, а всех людей мысленно делит на борцов и предателей [Руге, 2017, с. 178]. При этом показательно, что Вильгельм принадлежит к числу тех, кто боролся с фашизмом еще до Второй мировой войны. Создав ГДР, он и ему подобные так и не смогли воспитать себе достойную смену. Старые стойкие борцы с нацизмом, прошедшие концлагеря и эмиграцию, закостенели в своей борьбе, а их потомки, молодые граждане ГДР, похожи более на аполитичных карьеристов и приспособленцев, нежели на идеиных строителей нового общества. Так, уже сын Вильгельма Курт называет бурную первую половину XX в. и все последующие десятилетия «одной большой ложью» [Руге, 2017, с. 296]. О том же заявляет и представитель поколения внуков Александр: «Я не хочу лгать всю свою жизнь» [Руге, 2017, с. 261], что приводит к его бегству

из ГДР в ФРГ [Руге, 2017, с. 63]. Всю свою семью Вильгельм считает «семьей пораженцев», предавших идеалы партии [Руге, 2017, с. 173].

Однако парадокс подобной литературной антропологии открывается в том, что не единожды поставленный под сомнение образ «нового человека» отнюдь не уходит из художественной литературы после исчезновения ГДР с политической карты. Чтобы понять это, достаточно обратиться к знаменитому роману Л. Зайлера «Крузо» (*Kruso*, 2014), отмеченному высочайшей в Германии Бюхнеровской премией.

Ключевой конфликт этого произведения связан с противостоянием личности и государственной системы ГДР. Главный герой оказывается тем лидером, который ведет за собой людей, запутавшихся в себе и разочарованных в окружающем мире. Можно ошибочно решить, что фигура Алексея Крузовича представляет собой символ сопротивления тем общественным принципам и идеям, на которых строилась жизнь в Восточной Германии. Однако на самом деле Крузо и есть тот самоотверженный борец за «новую» жизнь, о котором мечтала литература ГДР с самого начала своего существования. Это проявляется в разных отношениях.

Во-первых, он не жалеет себя – как в физическом труде, так и в душевном участии, проявляемом к товарищам в устроенной им коммуне на острове.

Во-вторых, в своих поступках он часто словно бы руководствуется теми принципами поведения в общественной сфере, которые декларировались в эпоху ГДР. «Распределение нуждается в критериях, нуждается в справедливости и дисциплине, иначе в нем нет смысла, понимаешь? На нашем пути свобода и порядок постоянно перехлестываются», – говорит он рассказчику [Зайлер, 2016, с. 198].

В-третьих, Крузо хорошо видит глубокие внутренние различия между условными Западом и Востоком и делает сознательный выбор в пользу Востока. Рассказчик вспоминает: «Крузо... говорил о возвращенцах и о том, что их будет немало, как только они уразумеют обманы потребительского мира.

– Они еще способны это уразуметь, Эд. Однако многие, родившиеся там и ничего другого не имевшие, уже не ощущают своего несчастья. Развлекательная отрасль, машины, собственное жилье, встроенные кухни, почему бы и нет? Но для них это как бы собственное тело, его естественное продолжение, вместилище чувств

и мыслей. Их душа застряла в приборной доске, оглушена хай-фаем или испарилась в бошевской плите. Они уже не в состоянии чувствовать свое несчастье. Не слышат, какой цинизм заключен в слове “потребитель”, в одном этом слове! Его животное звучание, полное коровьих колокольцев и стад, которые гонят через холм благосостояния, а они щиплют траву, жуют, потребление, пищеварение и новое потребление – жрать и срать, вот что такая жизнь потребителя. И все нацелено именно на это, от рождения до смерти потребителя» [Зайлер, 2016, с. 308].

Герой, нарисованный Л. Зайлером, очень близок тому воображаемому человеку, к которому обращалась К. Вольф с трибуны на Александрийский площадь 4 ноября 1989 г. с призывом оставаться и продолжать трудиться, продолжать строить социалистическое общество дальше. «Представь себе: социализм – и никто не бежит прочь!» [Wolf, 1999, S. 13]. Круго категорически не признает духовной капитуляции перед обстоятельствами, как не признавала ее ранее и Рита Зайдель из «Расколотого неба» К. Вольф.

Как видим, несмотря на то, что образ «нового человека» был подвергнут осмеянию и поставлен под сомнение в немецкой литературе конца ХХ в., его художественную верность нельзя отрицать. Важно, что он появляется в произведениях тех писателей, которых вряд ли можно отнести к апологетам общественного устройства ГДР (укажем здесь, например, на рассказ Ф.К. Делиуса «Риббекские груши» / *Die Birnen von Ribbeck*, 2011). В силу этого вопрос построения художественной антропологии периода восточногерманской жизни после 1945 г. оказывается далеко не таким простым, как могло казаться в начале эпохи «поворота».

### Список литературы

- Антропология литературы: методологические аспекты проблемы : сб. науч. ст. : в 3 ч. / ГРГУ им. Я. Купалы ; под ред. Т.Е. Автухович. – Гродно, 2013. – Ч. 1. – 321 с.
- Вельцер Х. История, память и современность прошлого: память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennoст-proshlogo.html> (дата обращения: 13.08.2007).
- Вольф К. На своей шкуре // Иностранный литература. – 2003. – № 9. – С. 5–70.
- Вольф К. Размышления о Кристе Т. – Москва : Азбука-классика, 2004. – 224 с.

- Вольф К. Расколотое небо // Роман-газета. – 1964. – № 12. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/volj-f-krista/raskolotoe-nebo?ysclid=lrq5ydgwtb542739575> (дата обращения: 23.01.2024).
- Гургин А.А. Предисловие // Нойч Э. Мир на Востоке: когда гаснут огни. – Москва : Радуга, 1989. – С. 5–10.
- Зайлер Л. Крузо. – Москва : Текст, 2016. – 412 с.
- Избер В.К антропологии художественной литературы // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 6(96). – С. 7–21.
- Москвина Р.Р., Мокроносов Г.В. Человек как объект философии и литературы. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. – 199 с.
- Руге О. Дни убывающего света. – Москва : Логос, 2017. – 376 с.
- Савельева В.В. Художественная антропология. – Алматы : Изд-во Алмат. гос. ун-та, 1999. – 281 с.
- Франк Ю. На рехах вавилонских. – Москва : Б.С.Г.-Пресс, 2004. – 430 с.
- Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Дж. Уилхайта, Т. Лонгмана III ; [пер.: Б.А. Скороходов, О.А. Рыбакова]. – Санкт-Петербург : Библия для всех, 2005. – 1423 с.
- Художественная антропология. Теоретические и историко-литературные аспекты : материалы междунар. науч. конф. «Поспеловские чтения» – 2009 / МГУ ; под ред. М.Л. Ремнёвой, О.А. Клинга, А.Я. Эсалнек. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 510 с.
- Becher J.R. Auf andere Art so große Hoffnung. Tagebuch 1950. Eintragungen 1951 // Gesammelte Werke. – Berlin ; Weimar : Aufbau, 1969. – Bd. 12. – 871 S.
- Brussig Th. Helden wie wir. – Frankfurt a/M : Fischer Taschenbuch Verlag, 1998. – 325 S.
- Der wilde Osten: neweste deutsche Literatur / hrsg. von R. Koch. – Frankfurt am Main : Fischer-Taschenbuch-Verl., 2002. – 255 S.
- Krumbholz M. “Wir müssen gross von uns denken” // Neue Zürcher Zeitung. – 2011. – 1. Dezember. – URL: [https://www.nzz.ch/wir\\_muessen\\_gross\\_von\\_uns\\_denken-id.707220](https://www.nzz.ch/wir_muessen_gross_von_uns_denken-id.707220) (дата обращения: 23.01.2024).
- Liersch W. Von der Ankunft zur Anwesenheit // Ansichten. Aufsätze zur Literatur der DDR / hrsg. von K. Walther. – Halle (Saale) : Mitteldeutscher, 1976. – S. 15.
- Schulze I. Simple Storys. Ein Roman aus der ostdeutschen Provinz. – München : DTV, 2001. – 315 S.
- Wolf Chr. Auf dem Weg nach Tabou: Texte 1990–1994. – München : DTV, 1999. – 354 S.
- Wolf Chr. Der geteilte Himmel. – Leipzig : Reclam, 1965. – 233 S.
- Wolle S. Waschputzis Wahrheit: warum elf Jahre nach der Wende Geschichten aus dem Osten in den Geschichtsbüchern des Westens nur am Rande vorkommen // Die Zeit. – 2000. – № 46. – URL: [http://www.zeit.de/archiv/2000/46/200046\\_dt\\_einheit.xml](http://www.zeit.de/archiv/2000/46/200046_dt_einheit.xml) (дата обращения: 13.01.2024).

## References

- Avtuhovich, T.E. (Ed.). (2013). *Antropologiya literatury: metodologicheskie aspekty problemy: sb. nauch. st.: v 3 ch. Ch. 1.* Grodno.
- Vel'cer, X. (2005). Istoryiya, pamyat' i sovremennost' proshlogo: pamyat' kak arena politicheskoy bor'by. *Neprikosnovennyj zapas*. 2–3. Retrieved from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha38.html>
- Vol'f, K. (2003). Na svoej shkure. *Inostrannaya literature*. 9, 5–70.
- Vol'f, K. (2004). *Razmyshleniya o Kreste T.* Moscow: Azbuka-klassika.
- Vol'f, K. (1964). Raskolotoe nebo. *Roman-gazeta*. 12. Retrieved from <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/voljf-krista/raskolotoe-nebo?ysclid=lrq5ydgwtb542739575>
- Gugnin, A.A. (1989). Predislovie. In E. Nojch, *Mir na Vostoke: Kogda gasnut ogn'i* (pp. 5–10). Moscow: Raduga.
- Zajler, L. (2016). *Kruzo*. Moscow: Tekst.
- Izer, V. (2008). K antropologii hudozhestvennoj literatury. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6(96). 7–21.
- Moskvina, R.R., & Mokronosov, G.V. (1987). *Chelovek kak ob'ekt filosofii i literatury*. Irkutsk : Izd-vo Irkut. un-ta.
- Ruge, O. (2017). *Dni ubiyayushhego sveta*. Moscow: Logos.
- Savel'eva, V.V. (1999). *Hudozhestvennaya antropologiya*. Almaty: Izd-vo Almat. gos. un-ta.
- Frank, Yu. (2004). *Na rekah vavilonskikh*. Moscow: B.S.G.-Press.
- Rajken L., Uilxojt Dzh., Longman III T. (Ed.). (2005). *Slovar' biblejskikh obrazov*. Saint Petersburg: Bibliya dlya vseh.
- Remnyova M.L., Kling O.A., & Esalnek A.Ya. (Eds.). (2011). *Hudozhestvennaya antropologiya. Teoreticheskie i istoriko-literaturnye aspekty: materialy Mezhdunar. nauch. konf. "Pospelovskie chteniya" – 2009*. Moscow: MAKS Press.
- Becher, J.R. (1969). Auf andere Art so große Hoffnung. Tagebuch 1960. Eintrag 1951. In J.R. Becher, *Gesammelte Werke* (Bd. 12). Berlin; Weimar.
- Brussig, Th. (1998). *Helden wie wir*. Frankfurt a/M: Fischer Taschenbuch Verlag.
- Koch, R. (Ed.). (2002). *Der wilde Osten: neueste deutsche Literatur*. Frankfurt am Main: Fischer-Taschenbuch-Verl.
- Krumbholz, M. (2011, 1. Dezember). "Wir müssen gross von uns denken". *Neue Zürcher Zeitung*. Retrieved from [https://www.nzz.ch/wir\\_muessen\\_gross\\_von\\_uns\\_denken-id.707220](https://www.nzz.ch/wir_muessen_gross_von_uns_denken-id.707220)
- Liersch, W. (1976). Von der Ankunft zur Anwesenheit. In *Ansichten. Aufsätze zur Literatur der DDR* (pp. 15). Halle (Saale).
- Schulze, I. (2001). *Simple Storys. Ein Roman aus der ostdeutschen Provinz*. München: DTV.
- Wolf, Chr. (1999). *Auf dem Weg nach Tabou: Texte 1990–1994*. München: DTV.
- Wolf, Chr. (1965). *Der geteilte Himmel*. Leipzig : Reclam.
- Wolle, S. (2000). Waschputzis Wahrheit: warum elf Jahre nach der Wende Geschichten aus dem Osten in den Geschichtsbüchern des Westens nur am Rande vorkommen. *Die Zeit*. 46. Retrieved from: [http://www.zeit.de/archiv/2000/46/200046\\_dt.\\_einheit.xml](http://www.zeit.de/archiv/2000/46/200046_dt._einheit.xml)

*Об авторе*

**Чугунов Дмитрий Александрович** — доктор филологических наук, профессор кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы, Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия, dr-chugunov@yandex.ru ORCID: 0000-0001-6368-3628

*About the author*

**Chugunov Dmitry Alexandrovich** – DSc in Philology, Professor Department of the History and Typology of Russian and Foreign Literature, Voronezh State University, Voronezh, Russia, dr-chugunov@yandex.ru ORCID: 0000-0001-6368-3628